

Меркулов
1893 год

Кн. нд N 1

1893
М.О. Меньшиков. Критические очерки.

СПб., типогр. М. Меркушева, 1899

Мас. №1035₄

Бо́льная воля.^{*)}

(Палата № 6. Рассказъ А. П. Чехова).

I.

Нигдѣ въ свѣтѣ для образованныхъ людей нѣтъ болѣе широкаго поприща для работы, чѣмъ въ Россіи. Отъ своей древней, вѣковой культуры мы отступились, чужой же пока еще не приняли сколько-нибудь прочно. Когда не существуетъ условій, при которыхъ слагается организованный бытъ, то человѣческая энергія не накапливается, не переходитъ въ творчество, не осуществляется въ вещахъ. Она разсѣивается безслѣдно, какъ сила сырая, стихійная. Россія, не смотря на тысячелѣтіе своей исторической жизни, все еще не сложила окончательно. Неустроенная, огромная страна съ почти первобытнымъ населеніемъ, съ почти нетронутыми богатствами почвы, съ едва народившимися наукою, искусствомъ и литературою... Казалось-бы, какое необъятное поле для труда, для творческой, созидательной работы! Тутъ возможны во всѣхъ областяхъ открытія и первыя начинанія:—стоитъ захотѣть, и вы во множествѣ захолустій можете явиться своего рода Кадмъ или Кекропсомъ, однимъ изъ тѣхъ мифическихъ насадителей культуры, которые «научили жителей ковать желѣзо и пахать землю», «научили письменахъ и музыкѣ». Въ этомъ дѣлѣ, въ любомъ уѣздномъ городѣ вамъ разскажутъ не одну

158

*) Зпервне: «Книжки недели» 1893, янв. 3033.
«Безъ воли и совѣсти», с. 199—226.

исторію о томъ, какъ еще въ недавніе годы не было ни одного мѣдника: пришелъ нѣмецъ съ инструментомъ, и съ тѣхъ поръ пошли слесарныя мастерскія; или о томъ, какъ недавно еще и помину не было о книжныхъ лавкахъ, — явился ссмыльный полякъ и завелъ библіотеку; не было парикмахера — пріѣхалъ еврей и пр. и пр. Такихъ Кадмовъ и Кекропсовъ втеченіе этого столѣтія, особенно съ войны 12-го года, разсыяно было по Россіи великое множество, и всѣ они вышли въ кушцы, разбогатѣли и теперь ворочаютъ миллионными дѣлами, исподволь забравъ у насъ всю хлѣбную, всю нефтяную, каменноугольную, желѣзную, сахарную и всякую иную промышленность и торговлю. И времена Кадмовъ еще далеко не прошли; во всѣхъ сферахъ жизни у насъ, благодаря отсталости, таятся цѣлыя пустыни, дѣйствительные лѣса и дикія трушобы, «гдѣ не ступала нога европейца». Я говорю не о какихъ нибудь вятскихъ и пермскихъ захолустьяхъ, а могъ-бы указать ихъ на самыхъ вершинахъ нашей общественности, гдѣ цвѣтутъ будто-бы науки и искусства. Всюду испочатые углы работы и почти полное отсутствіе работниковъ. Когда вышелъ въ русское переводъ томъ извѣстной Всемирной Географіи Рэкию, посвященный Россіи, русскіе профессора приложили къ нему особый томикъ дополненій и обзоровъ. Одинъ профессоръ говоритъ о русской метеорологіи, другой о почвахъ, третій о хозяйствахъ и пр. и пр. И каждый профессоръ поговоривъ о своемъ предметѣ, съ грустью замѣчаетъ, что подробныхъ данныхъ еще не имѣется, что та или другая сторона еще не изучена, ждетъ изслѣдователей. До такой степени все у насъ еще нетронуто культурой, что даже въ самомъ Петербургѣ ученые дѣлаютъ иногда открытія какъ-будто гдѣ-нибудь въ центрѣ Африки: вспомните исторію съ анализами невской воды или открытіе новаго уклона рѣки Невы. А наши книгохранилища, неразобранныя цѣлыя сотни лѣтъ библіотеки, архивы, — тамъ вѣдь тоже

не ступала «нога европейца». А нашъ общественный и народный бытъ! Для интеллигенціи дѣятельной, даровитой, нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ условій болѣе благодарныхъ для труда. Возьмите Европу съ ея старою культурой и длиннымъ рядомъ образованныхъ поколѣній: тамъ все уже давно начато, устроено и десятки разъ повторено,—тамъ самая захолустная сторона быта разработана и освѣщена, тамъ нѣтъ и пяди земли, не утопанной ногою европейца. Въ Европѣ страшный избытокъ интеллигенціи, и даже среди околodочныхъ встрѣчаются доктора философіи; тамъ нѣтъ репортера, нѣтъ школьнаго учителя, даже писаря у мирового судьи, который не прошолъ-бы чрезъ «святыя стѣны университета». Тамъ тѣсно; тамъ до такой степени все открыто и изучено, что открыть что нибудь новое, неизвѣстное такъ-же трудно, какъ открыть въ Атлантическомъ океанѣ новую Америку. Чтобы создать новыя возможности, найти себѣ выгодный трудъ, западному европейцу приходится перестраивать очень удовлетворительный культурный бытъ въ хорошій, хорошій въ лучшій, лучшій въ еще лучшій и т. д. или бѣжать въ инныя, дѣйствительныя страны—Америку, Африку, Россію.

И такъ, несомнѣнно, нѣтъ страны, гдѣ-бы образованные люди были поставлены въ лучшее положеніе для работы. А спросите любого русскаго интеллигента, особенно провинціального, «не сдѣлавшаго карьеры»: тономъ глубочайшаго, задушевнаго убѣжденія онъ станетъ доказывать, что нѣтъ на свѣтѣ страны, гдѣ интеллигентному человѣку жилось-бы хуже, чѣмъ въ Россіи, гдѣ его дѣятельность была-бы болѣе стѣснена тысячею препонъ и запретовъ и гдѣ она задыхалась-бы отъ неподбѣдимой тупости и дикости «среды». Среда «заѣла» не одного, а чуть-ли не всѣхъ русскихъ хорошихъ людей, и до сихъ поръ продолжаетъ заѣдать. Одинъ мой другъ пишетъ мнѣ изъ В.: «Здѣшнее общество всколыхнулось смертью директора гимназіи Н. Въ молодости онъ былъ очень ученымъ чешскимъ патріотомъ, бѣжалъ

отъ преслѣдованія австрійскихъ властей и умеръ въ русской глуши отъ пива, ожирѣнія и ничего-недѣланія. Какъ корова воду дулъ пиво,—болѣе ведра въ день: только въ этомъ и проходило его время. Подумаешь, какое вліяніе имѣетъ русская жизнь даже на западнаго человѣка! Изъ передового бойца превращается въ самаго рутиннаго педагога и въ пивную бочку. Вообще здѣсь странныя смерти, то-бишь, преподлѣйшія: за два года пребыванія моего умерло четверо интеллигентовъ и всѣ отъ пьянства: докторъ И. (сосланный за социализмъ), аудиторъ Ф., ветеринаръ М. и директоръ Н. Каково? И все либеральныя профессіи...» Другіе знакомые, наѣзжающіе иногда изъ провинціи «освѣжиться», поютъ ту-же грустную пѣсню: «Просто задыхаешься въ нашемъ болотѣ! На цѣлый городъ—ни библиотеки, ни книжнаго магазина, ни газеты, ни даже журнала порядочнаго никто не выписываетъ. Какое-же тутъ можетъ быть общеніе?»—Ну, а вы сами—пробовали-ли вы устроить библиотечку, книжную лавку, завести газету? Какой журналъ вы выписываете?—задаю я эти нескромныя вопросы; но въ отвѣтахъ не нуждаюсь: они мнѣ слишкомъ знакомы и даже надоели. «Гдѣ ужъ мнѣ! Не дотого, что вы! Да и не по средствамъ...»

Льнивы мы и не любопытны, говорилъ Пушкинъ. Къ добру и злу постыдно равнодушны, говорилъ Лермонтовъ. Чуткая душа обоихъ великихъ поэтовъ поняла печальную правду русскаго характера. Вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ вся литература безъ исключенія не перестаетъ оплакивать лѣнь и бездѣтельность русскаго человѣка. Обломовщина насъ душитъ. И это вовсе не случайная черта, а культурная, продуктъ вѣками слагавшагося, какъ геологическая формація, своеобразнаго быта. Древняя, средневѣковая наша культура, отъ которой мы—верхніе слои—отказались, была несравненно дѣятельнѣе, предприимчивѣе, одушевленнѣе: упадокъ духа обнаруживается въ XVII вѣкѣ и идетъ вмѣ-

стѣ съ отмираніемъ органическихъ началъ нашей старинной, болѣе свободной общественности, и съ развитіемъ крѣпостнаго права. Крѣпостная эпоха обезсилила и народъ, и еще болѣе образованные слои. Начиная съ Тентетникова, продолжая Ильей Ильичемъ и цѣлымъ рядомъ «лишнихъ людей», рефлексиковъ и гамлетиковъ, литература даетъ портреты обездушенной, обезволенной интеллигенціи, кончающей именно такъ, какъ описываетъ мнѣ пріятель изъ В. Молодые беллетристы продолжаютъ рисовать тѣ-же типы: доказательство, что эти типы еще живы въ русскомъ обществѣ и даже преобладаютъ. Прочитайте замѣчательный рассказъ г. Антона Чехова «Палата № 6». Въ этомъ рассказѣ, какъ во всѣхъ своихъ вещахъ, — «Скучной Исторіи», «Дуэли», «Женѣ», «Сосѣдяхъ», «Страхѣ» — талантливый художникъ выводитъ на-подборъ слабыхъ и дряблыхъ русскихъ людей, новѣйшихъ Обломовыхъ, рѣшительно не умѣющихъ жить, не умѣющихъ устраивать ни своего, ни чужого счастья при самыхъ прекрасныхъ вѣнскихъ обстоятельствахъ. «Палата № 6» — это, можетъ-быть, самая удачная вещь Чехова: это — горькая драма, заслуживающая не только прочтенія, но глубокаго, внимательнаго изученія. Позвольте передать здѣсь содержаніе этого рассказа.

II

Мѣсто дѣйствія — захолустный русскій городъ въ двухстахъ верстахъ отъ желѣзной дороги; время — ближайшіе къ намъ годы. Въ захолустномъ городѣ существуетъ «богоугодное заведеніе» — больница, а въ ней одинъ флигель назначенъ для душевно-больныхъ. Это и есть палата № 6.

Запущена она до чрезвычайности: окружена цѣлымъ лѣсомъ репейника и крапивы, ступеньки у крыльца сгнили, штукатурка совершенно обвалилась. Однимъ-фасадомъ флигель обращенъ къ больницѣ, другимъ — глядитъ въ

поле, отъ котораго его отдѣляетъ сѣрый больничный заборъ съ гвоздями—все это особаго, «унылаго, окаяннаго вида» нашихъ больницъ и остроговъ. Въ сѣняхъ, на грудѣ гнѣющаго больничнагохлама—матрапахъ, изорванныхъ халатахъ, истасканной обуви и отрепьяхъ обыкновенно валяется сторожъ Никита. Отставной старинный солдатъ, въ полной власти котораго находятся всѣ пятеро душевно-больныхъ, Никита «принадлежитъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что ихъ надо бить. Онъ бьетъ по лицу, по груди, по спинѣ, по чѣмъ попало и увѣренъ, что безъ этого не было-бы здѣсь порядка». Самая палата помѣшанныхъ—грязная комната съ закопченными, какъ въ курной избѣ, потолкомъ, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ и занозистымъ поломъ. «Воняетъ кислою канустою, фитильною гарью, клоаками и аммиакомъ, и эта вонь въ первую минуту производитъ впечатлѣніе, какъ-будто вы входите въ звѣринецъ».

Помѣшанные всѣ, кромѣ одного,—мѣшане: прогрессивный паралитикъ, дурачокъ «жидъ Мосейка», почтальонъ, вообразившій себя крупной особой, бывшій студентъ Иванъ Дмитричъ, одержимый маніей преслѣдованія, да сосѣдъ его—«оплившій жиромъ, почти круглый мужикъ, съ тупымъ, совершенно безсмысленнымъ лицомъ, котораго Никита бьетъ страшно, со всего размаха, не щадя кулаковъ, и это отупѣвшее животное не отвѣчаетъ на побои ни звукомъ, ни движеніемъ, ни выраженіемъ глазъ, а только покачивается, какъ тяжелая бочка».

Жизнь заключенныхъ въ этомъ забытомъ, заброшенномъ углу течетъ безконечно уныло и однообразно. Больные изо дня въ день видятъ только полупьянаго сторожа Никиту, никто сюда не заглядываетъ цѣлыми годами, новыхъ больныхъ докторъ давно уже не принимаетъ и самъ никогда сюда не заходитъ. Но вдругъ разнесся странный слухъ, что докторъ сталъ посѣщать палату...

Докторъ Андрей Ефимычъ Рагинъ принялъ эту больницу и палату умалишенныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ, по окончаніи медицинскаго факультета. «Когда онъ пріѣхалъ въ городъ, «богоугодное заведеніе» находилось въ ужасномъ состояніи. Въ палатахъ, коридорахъ и въ больничномъ дворѣ тяжело было дышать отъ смрада. Больничные мужики, сидѣлки и ихъ дѣти спали въ палатахъ вмѣстѣ съ больными. Жаловались, что житья нѣтъ отъ таракановъ, клоповъ и мышей. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожа. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра; въ ваннахъ держали картофель. Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грабили больныхъ, а про стараго доктора, предшественника Андрея Ефимыча, рассказывали, будто онъ занимался тайною продажей больничнаго спирта и завелъ себѣ изъ сидѣлокъ и больныхъ женщинъ цѣлый гаремъ. Въ городѣ отлично знали эти безпорядки и даже преувеличивали ихъ, но относились къ нимъ спокойно; одни оправдывали ихъ тѣмъ, что въ больницу ложатся только мѣщане да мужики, которые дома живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ больницѣ: не рябчиками-же ихъ кормить! Другіе говорили, что одному городу безъ помощи земства не подъ силу содержать хорошую больницу; слава Богу, что хоть плохая есть. А молодое земство не открывало лечебницы ни въ городѣ, ни возлѣ, ссылаясь на то, что городъ имѣетъ уже свою больницу».

Скажите, развѣ это не счастливое поприще для интеллигентнаго вмѣшательства? Развѣ не кстати тутъ было бы проявить самую безкорыстную, неутомимую энергію? Молодой врачъ, только что оставившій «святые стѣны университета» въ годы общественнаго подъема, въ годы освобожденія...

«Осмотрѣвъ больницу, Андрей Ефимычъ пришолъ къ заключенію, что это учрежденіе безнравственное и въ высшей степени вредное для здоровья жителей. По его

миѣнію, самое умное, что можно было сдѣлать, это—выпустить больных на волю, а больницу закрыть». Но уже тогда, молодымъ человѣкомъ, онъ разсудилъ, что не стоитъ особенно волноваться: «принявъ должность, онъ отнесся къ безпорядкамъ, повидимому, довольно равнодушно. Онъ попросилъ только больничныхъ мужиковъ и сидѣлокъ не ночевать въ палатахъ и поставилъ два шкафа съ инструментами; смотритель-же, кастелянша, фельдшеръ и хирургическая рожка остались на своихъ мѣстахъ». Затѣмъ идутъ годы за годами, нѣкое двадцатилѣтіе, и въ жизни несчастныхъ, попавшихъ въ больницу, все остается по старому...

Чѣмъ объяснить эту преступную бездѣятельность? Недостаткомъ физическихъ силъ, нездоровьемъ? Нѣтъ, Андрей Ефимовичъ какъ и Илья Ильичъ Обломовъ, пользуется вождѣльнымъ здоровьемъ. Недостаткомъ образованія, умственного развитія? Опять-же нѣтъ, иначе выше его пришлось-бы поставить любого добросовѣстнаго лакея, поддерживающаго порядокъ въ квартирѣ. Еслибы еще Андрей Ефимовичъ, подобно предшественнику, продавалъ больничный спиртъ и устраивалъ гаремъ изъ сидѣлокъ,—его невмѣстительство было-бы сколько-нибудь понятно. Но Андрей Ефимовичъ—человѣкъ отменно порядочный, интеллигентный. Онъ не корыстолюбивъ и отказался даже отъ всякой практики въ городѣ, и изъ разсказа не видно, чтобы онъ взглянулъ когда-нибудь на женщину съ вождѣльствомъ. «Придя домой, онъ немедленно садится въ кабинетъ за столъ и начинаетъ читать. Читаетъ онъ очень много и всегда съ большимъ удовольствіемъ. Половина жалованья у него уходитъ на покупку книгъ, и изъ шести комнатъ его квартиры три завалены книгами и старыми журналами. Больше всего онъ любитъ сочиненія по исторіи и философіи; по медицинѣ-же выписываетъ одну лишь газету «Врачъ», которую всегда начинаетъ читать съ конца. Чтеніе всякій разъ продолжается безъ перерыва по нѣскольку часовъ

и его не утомляетъ. Читаетъ онъ медленно, съ проникновеніемъ, часто останавливаясь на мѣстахъ, которыя ему нравятся или непонятны. Около книги всегда стоитъ графинчикъ съ водкой и лежитъ соленый огурецъ или моченое яблоко. Черезъ каждыя полчаса, не отрывая глазъ, онъ наливаетъ себѣ рюмку водки и выпиваетъ». Послѣ обѣда, плохого и непріятнаго, Андрей Ефимычъ ходитъ по своимъ комнатамъ, скрестивъ на груди руки, и думаетъ—вплоть до вечера, когда къ нему приходитъ почтмейстеръ, «единственный во всемъ городѣ человѣкъ, общество котораго для Андрея Ефимыча не тягостно»; это прокутившійся отставной кавалеристъ, жизнерадостный, пустой, но по крайней-мѣрѣ благовоспитанный человѣкъ. Начинается питье пива и умные разговоры. Докторъ жалуется, что «въ нашемъ городѣ совершенно нѣтъ людей, которые-бы умѣли и любили вести умную и интересную бесѣду. Даже интеллигенція не возвышается надъ пошлостью; уровень ся развитія нисколько не выше, чѣмъ у низшаго сословія».

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ оказывается, что докторъ—истинный философъ, въ греческомъ значеніи этого слова. «На этомъ свѣтѣ, говоритъ онъ, все незначительно и неинтересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человѣческаго ума. Онъ замѣняетъ ему безсмертіе, котораго нѣтъ. Умъ служить ему единственно возможнымъ источникомъ наслажденія». Въ дѣтствѣ Андрей Ефимычъ былъ очень религіозенъ и хотѣлъ поступить въ духовную академію, но, по настоянію отца, тоже доктора, сдѣлался врачомъ. «Мнѣ кажется, что если-бы я тогда не послушался его, говоритъ Андрей Ефимычъ, то теперь находился-бы въ самомъ центрѣ умственнаго движенія. Вѣроятно, былъ-бы членомъ какого-нибудь факультета».

Какъ человѣкъ, не вѣрящій въ безсмертіе души, Андрей Ефимычъ понимаетъ жизнь какъ «досадную ловушку»; онъ мучается безсмыслицей бытія и видеть.

отраду лишь въ умственной дѣятельности. «Какъ въ тюрьмѣ, люди, связанные общимъ несчастьемъ, чувствуютъ себя легче, когда сходятся вмѣстѣ, такъ и въ жизни не замѣчаешь ловушки, когда люди, склонные къ анализу и обобщеніямъ, сходятся вмѣстѣ и проводятъ время въ обществѣ гордыхъ, свободныхъ идей».

Проводивъ пріятеля, Андрей Ефимычъ садится за столъ и опять начинаетъ читать, погруженный въ тишину ночи. «Грубое, мужицкое лицо доктора озаряется улыбкой умиленія и восторга передъ движеніями человѣческаго ума». Онъ снова погружается въ проклятый вопросъ—зачѣмъ человѣкъ не безсмертенъ; воображаетъ времена, «когда охладѣвшая земля, безъ смысла и безъ цѣли, будетъ носиться съ землей вокругъ солнца», и приходитъ къ справедливому выводу, что утѣшенія нѣтъ. «Только трусъ, у котораго больше страха передъ смертью, чѣмъ достоинства, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что тѣло его современемъ будетъ жить въ травѣ, въ камнѣ, въ жабѣ...»

Но безутѣшность въ будущемъ, казалось-бы, должна была натолкнуть доктора на мысль о безконечной цѣнности настоящаго, о необходимости устраиваться возможно лучше здѣсь, теперь-же, пока еще живо дыханіе жизни. На дѣлѣ этого нѣтъ.

III.

«Невзначай, подъ вліяніемъ хорошихъ мыслей, вычитанныхъ изъ книги, Андрей Ефимычъ бросаетъ взглядъ на свое прошлое и настоящее. И въ настоящемъ тоже, что въ прошломъ. Онъ знаетъ, что въ то время, когда его мысли носятся вмѣстѣ съ охлажденною землею вокругъ солнца, рядомъ съ докторскою квартирою, въ большомъ корпусѣ томятся люди въ болѣзняхъ и физической нечистотѣ. Быть-можетъ, кто-нибудь не спитъ и воюетъ съ насѣкомыми, кто-нибудь заражается рожей

или стонетъ отъ туго-положенной повязки; быть-можетъ, больные играютъ въ карты съ сидѣлками и пьютъ водку». Приѣмъ больныхъ свелся къ пустѣйшей формальности, къ обману, и никакой помощи больные не получали. «Все больничное дѣло, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, построено на воровствѣ, дрызгахъ, сплетняхъ, кумовствѣ, на грубомъ шарлатанствѣ, и больница попрежнему представляетъ изъ себя учрежденіе безнравственное и въ высшей степени вредное для здоровья жителей. Онъ знаетъ, что въ палатѣ № 6 за рѣшетками Никита коло-титъ больныхъ и оскорбляетъ жида Мосейку, собираю-шаго милостыню». Съ другой-же стороны, доктору отлич-но извѣстно, что за послѣднія 25 лѣтъ съ медициной произошла сказочная переменѣна. «Когда онъ читаетъ по ночамъ, медицина трогаетъ его и возбуждаетъ въ немъ удивленіе и восторгъ. Какой неожиданный блескъ, ка-кая революція! Благодаря антисептикѣ, дѣлаютъ опера-ціи, какія Пироговъ считалъ невозможными даже *in spe*. Обыкновенные земскіе врачи рѣшаются производить ре-зекцію коѣннаго сустава, на сто чревосѣченій одинъ только смертный случай, а каменная болѣзнь считается такимъ пустякомъ, что о ней даже не пишутъ. Ради-кально излѣчивается сифилисъ... Психіатрія съ се-теперешней классификаціей болѣзней, методами распознава-нія и лѣченія—это въ сравненіи съ тѣмъ, что было, цѣлый Эльборусъ. Теперь помѣшаннымъ не льютъ на голову холодную воду, не надѣваютъ на нихъ горяче-ныхъ рубахъ; ихъ содержатъ по-человѣчески, устраи-ваютъ даже для нихъ спектакли и балы. Андрей Ефи-мычъ знаетъ, что, при теперешнихъ взглядахъ и вку-сахъ, такая мерзость, какъ палата № 6, возможна развѣ только въ двустахъ верстахъ отъ желѣзной дороги, въ городкѣ, гдѣ городской голова и всѣ гласные—полугра-мотные мѣщане, видящіе во врачѣ жреца, которому нужно вѣрить безъ всякой критики, хотя-бы онъ вли-валъ въ ротъ раскаленное олово; въ другомъ-же мѣстѣ

публика и газеты давно-бы уже расхватили въ клочья эту маленькую Бастилю».

Такимъ образомъ Андрей Ефимовичъ «не противится злу» не отъ недостатка сознанія этого зла, не отъ убѣжденія въ невозможности борьбы съ нимъ, не отъ сочувствія ему. Напротивъ, «Андрей Ефимычъ чрезвычайно любить умъ и честность; но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватаетъ характера и вѣры въ свое право. Приказывать, запрещать и настаивать онъ положительно не умѣетъ».

Не умѣетъ, или не хочетъ? Вѣрнѣе, я думаю, второе. У него не хватаетъ не то чтобы воли, а *желанія*. Существуетъ психическая болѣзнь—ослабленіе воли, когда человѣкъ страшно хочетъ что-нибудь сдѣлать, но не можетъ; въ данномъ-же случаѣ мы имѣемъ совсѣмъ другое: Андрей Ефимовичъ просто не хочетъ помочь несчастнымъ,—вотъ и все. Это болѣзнь не воли, а, какъ мнѣ кажется, болѣзнь совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ тихій, скромный, до крайности уступчивый, высокоинтеллигентный человѣкъ въ сущности ужасно безсовѣстный, какъ вообще всѣ бездѣятельные русскіе люди, всѣ Обломы, отъ Евгѣнія Онегина и Тентетникова до Рудина, Ильи Ильича, Райскаго, Бельтова и иныхъ. Бездѣятельность, безволие русскихъ людей, иногда столь прекрасныхъ и невинныхъ, я считаю порокомъ не ума, не образованія, не характера вообще,—а одной особенной черты характера—совѣсти. Вовсе не разочарованіе, не тоска по идеаламъ, не физическая лѣнь, не умственная неразвитость создаютъ Обломовыхъ, а создаютъ ихъ *нравственная бездарность*, недостатокъ въ душѣ нравственнаго познанія. Русский человѣкъ «постыдно равнодушенъ» къ добру и злу; погруженный въ какой-то сонъ совѣсти, онъ можетъ глядѣть на вопіющія мерзости и не возмущаться или возмущаться очень слабо. Даже тогда, когда умственное сознаніе подсказываетъ нравственному собственныя вѣны человѣка, онъ лишь слабо отмахивается отъ нихъ

рукой. «Я служу вредному дѣлу, думаетъ иногда Андрей Ефимовичъ, — я получаю жалованье отъ людей, которыхъ обманиваю. Я не честенъ. Но...»

IV.

Тутъ на помощь бездарной совѣсти приходитъ тонко-развитый умъ. Всѣ Обломы, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ, люди очень интеллигентные; умъ у нихъ не ниже, а скорѣе выше средняго, образованіе прекрасно. Защищать себя предъ совѣстью они умѣютъ; они непремѣнно оправдываютъ свое вредное существованіе: кто — «независящими обстоятельствами», кто — средой, барскимъ воспитаніемъ, кто — міровою скорбью. Но прежніе Обломы были все-таки несравненно совѣстливѣе новѣйшаго типа. Печоринъ сознается все-таки, что онъ «не угадалъ своего высокаго назначенія и увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ». Рудинъ кается: «Я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда». Даже Илья Ильичъ, до противности влюбленный въ себя, все-таки сознавалъ, что душевный кладъ его «заваленъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто украсть и закопать въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища». Всѣ старые Обломы не на дѣлѣ, такъ на словахъ, въ душѣ, желали великой дѣятельности, думали, какъ Илья Ильичъ, что «нужно служить, пока станетъ силъ, потому-что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ». Совсѣмъ нето новѣйшій Обломовъ, Андрей Ефимычъ, нарисованный мастерскою кистью г. Чехова. Сохраняя всѣ крупныя черты родового обломовскаго типа, Андрей Ефимычъ представляетъ въ нравственномъ смыслѣ дальнѣйшую, несравненно болѣе низкую стадію вырожденія. Андрей Ефимычъ уже не угрызается совѣстью и, ясно сознавая умомъ,

что онъ безчестенъ, ничуть этимъ не волнуется. Хорошо-вооруженный умъ является для него искуснымъ адвокатомъ, который по первому требованію обѣяетъ своего кліента. «Я нечестенъ, думаетъ Андрей Ефимычъ, — но вѣдь самъ по себѣ я ничто, я только частица необходимаго соціальнаго зла: всѣ уздныя чиновники вредны и даромъ получаютъ жалованье... Значить, въ своей нечестности виновать не я, а время. Родись я двумя-стами лѣтъ позже, я былъ бы другимъ». Вотъ и весь сказъ. Впрочемъ, не весь. На досугъ, обезпеченномъ страданіями больныхъ и помѣшанныхъ, Андрей Ефимычъ сочиняетъ цѣлую философскую систему въ защиту «непротивленія злу», въ защиту полного равнодушія къ горю ближнихъ. Онъ перестаетъ лѣчить, заявляя, что не слѣдуетъ мѣшать людямъ болѣть, сходить съ ума или умирать, не слѣдуетъ вообще бороться со зломъ. Это было еще задолго до знаменитой Толстовской формулы, такъ плохо понятой въ недавніе годы. Андрей Ефимычъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ рѣшилъ, что улучшать больнину бесполезно: «Если физическую и нравственную нечистоту прогнать съ одного мѣста, то она перейдетъ на другое; надо ждать, когда она сама вывѣтрится. Къ тому-же, если люди открыли больницу и терпятъ ее у себя, то, значить, она имъ нужна: предразсудки и всѣ эти житейскія гадости и мерзости нужны, такъ-какъ они съ теченіемъ времени перерабатываются во что-нибудь путное, какъ навозъ въ черноземъ. На землѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, что въ своемъ первоисточникѣ не имѣло-бы гадости». Пробовалъ онъ было вначалѣ (какъ и всѣ прежніе Обломы) заняться практическою дѣятельностью, т. е. лѣченіемъ больныхъ, и даже работать очень усердно, но затѣмъ дѣло это наскучило ему своимъ однообразіемъ и бесполезностью, совершенно такъ, какъ наскучивало живое дѣло и прежнимъ Обломовымъ. Можно-ли серьезно лѣчить, когда отъ утра до обѣда приходится принять сотокъ больныхъ? Можно-ли лѣчить въ такой больницѣ,

съ ея смрадомъ и грязью, вредною пищею и ворами-помощниками? Уничтожить-же грязь и вредную пищу и воровъ, устроить нужныя условія для успѣха дѣла—на это новѣйшій Обломовъ оказался столь-же неспособнымъ, какъ и прежніе. И въ оправданіе этой неспособности, нынѣшній вооруженный умъ выдвигаетъ снова философію. «Да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждому? Что изъ того, если какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ?» (Вспомните, читатель, разсужденія Раскольникова передъ убійствомъ старушонки-закладницы). «Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, страданія ведутъ человека къ совершенству; и во-вторыхъ, если человечество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію; въ которыхъ до сихъ поръ находило не только зашиты отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ, почему же не поболѣтъ какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савиной, жизнь которыхъ безсодержательна и была-бы совершенно пуста и похожа на жизнь амобы, если-бы не страданія? Подавляемый такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу не каждый день».

Такова философія новѣйшаго Обломова. Въ ней достаточно ума, начитанности, но совсѣмъ нѣтъ сердца. Разсужденія *подавляли* его: разумъ, оживляемый не совѣстью, а мертвою логикой, есть простая машина, холодная и слѣпая: работа его производитъ мертвую, давящую энергію, простое движеніе, которое не даетъ само по себѣ ни теплоты, ни свѣта. Жизненное зло—а Андрей Ефимычъ былъ окруженъ имъ въ избыткѣ—не вызывало

въ немъ ни отвращенія, ни ужаса. Онъ не возмущался, не страдалъ. Полъ-квартиры ученыхъ книгъ и безконечный молчаливый «обмѣнъ гордыхъ, свободныхъ идей» не подсказалъ нашему Обломову нравственнаго ужаса его состоянія. Напротивъ, въ душѣ онъ, повидимому, любовался отсутствіемъ въ себѣ совѣсти, считалъ это стадіей высшаго развитія. Впервые ему пришлось услышать горькую правду въ глаза—отъ сумасшедшаго, именно въ палатѣ № 6, куда докторъ зашелъ совершенно нечаянно для себя и для больныхъ. Единственный «благородный» номѣшанный, бывшій студентъ Громовъ, узналъ доктора. «Онъ весь затрясся отъ гнѣва, вскочилъ съ краснымъ, злымъ лицомъ, съ глазами на выкатѣ, выбѣжалъ на средину залы.—Докторъ пришелъ! крикнулъ онъ и захохоталъ.—Наконецъ-то! Господа, поздравляю, докторъ удостоиваетъ насъ своимъ визитомъ. Проклятая гадина! взвизгнулъ онъ и въ изступленіи, какого еще никогда не видали въ палатѣ, топнулъ ногой.—Убить эту гадину! Нѣтъ, мало убить! Утопить въ отхожемъ мѣстѣ!.. Воръ! Шарлатанъ! Палачъ!»

Такова благодарность отъ несчастныхъ, заслуженная интеллигентнымъ дѣятелемъ за двадцать лѣтъ «службы обществу». Но Андрей Ефимычъ нравственно неуязвимъ: онъ интересуется студентомъ, съ удовольствіемъ лакомки видитъ въ немъ то, чего не могъ найти въ городѣ — интеллигентнаго и умнаго собесѣдника — и пускается съ нимъ въ длинную бесѣду. Студентъ, какъ одержимый маніей преслѣдованія, въ свѣтлые промежутки владѣетъ всею силою и остротой ума и безпощадно опровергаетъ философствующаго доктора. Андрей Ефимычъ, «наслаждаясь обмѣномъ гордыхъ, свободныхъ идей», идетъ въ палату и на слѣдующій день, и затѣмъ ежедневно, хотя эти посѣщенія ни въ малѣйшей степени не облегчаютъ участи больныхъ. Андрей Ефимычъ старается доказать негодующему Громову, что не слѣдуетъ противиться злу.

— За что вы меня держите?—возмущается изстрадавшийся Громовъ.

— За то, что вы больны.

— Да, боленъ. Но вѣдь десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому-что ваше невѣжество неспособно отличить ихъ отъ здоровыхъ. Почему-же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фельдшеръ, смотритель и вся ваша больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже каждаго изъ насъ,—почему-же мы сидимъ тутъ, а вы нѣтъ? Гдѣ логика?

Въ отвѣтъ на это Андрей Ефимычъ выматываетъ изъ себя такіа разсужденія:

— Правственное отношеніе и логика тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ случая. Кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ,—вотъ и все. Въ томъ-то я докторъ, а вы душевнобольной—нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность... Самое лучшее въ вашемъ положеніи — бѣжать отсюда. Но это бесполезно,—васъ задержать. Когда общество ограждаетъ себя отъ преступниковъ, психическихъ больныхъ и вообще неудобныхъ людей, то оно непобѣдимо. Вамъ остается одно: успокоиться на мысли, что ваше пребываніе здѣсь необходимо.

— Никому оно не нужно,—возражаетъ Громовъ.

— Разъ существуютъ тюрьмы и сумасшедшіе дома, то долженъ-же кто-нибудь сидѣть въ нихъ. Не вы—такъ я, не я—такъ-кто нибудь другой, третій. Погодите, когда въ далекомъ будущемъ закончатъ свое существованіе тюрьмы и сумасшедшіе дома, то не будетъ ни рѣшетокъ у оконъ, ни халатовъ... Но и тогда законы природы останутся тѣ-же. Люди будутъ умирать такъ-же, какъ и теперь. Какая-бы великолѣпная заря ни освѣщала вашу жизнь, но все-таки, въ концѣ-концовъ, васъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

Это философское глумленіе, конечно, возмущаетъ

Громова; онъ говоритъ о своей страстной жаждѣ жизни; о призракахъ лѣсовъ, береговъ моря, кипучей жизни людской... На это нашъ философъ снова начинаетъ выматывать изъ себя умныя мысли: «Вы—мыслящій и вдумчивый человѣкъ. При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное, глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни и полное, презрѣніе къ глупой суетѣ міра,—вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ, и вы можете обладать ими, хотя-бы вы жили за тремя рѣшетками. Діогенъ жилъ въ бочкѣ, однако-же былъ счастливѣе всѣхъ царей земныхъ».

— Вашъ Діогенъ былъ болванъ,—угрюмо проговорилъ Громовъ.—Идите, проповѣдуйте эту философію въ Греціи, гдѣ тепло и пахнетъ померанцемъ. Доведись Діогену въ Россіи жить, такъ онъ не то что въ декабрѣ, а въ маѣ запросился-бы въ комнату. Небось, скрючило-бы отъ холода.

— Нѣтъ, возражаетъ Андрей Ефимычъ. Холодъ, какъ и вообще всякую боль, можно не чувствовать. Маркъ Аврелій сказалъ: «Боль есть живое представленіе о боли; откинь его, перестань жаловаться,—и боль исчезнетъ». Мыслящій человѣкъ презираетъ страданіе, онъ всегда доволенъ и ничему не удивляется. Нужно стремиться къ уразумѣнію жизни, а въ немъ—истинное благо.

— Значитъ, я идиотъ, такъ-какъ я страдаю, недоволенъ и удивляюсь человѣческой подлости?—возмущается бѣдный студентъ. Уразумѣніе... извините, я этого не понимаю. Я знаю только, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю криками и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше,

тѣмъ онъ воспримчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность. Какъ этого не знать? Докторъ, а не знаетъ такихъ пустяковъ!»

V.

Мы не приводимъ здѣсь длинныхъ и страстныхъ опроверженій Громова противъ безмятежныхъ измышленій доктора. Не касаемся превосходно очерченныхъ вводныхъ лицъ разсказа. Для портрета философствующаго лежебока достаточно и того, что мы привели выше. Чтобы закрѣпить и орельсифить этотъ типъ, авторъ подвергаетъ своего героя жизненному испытанію, выбрасываетъ его изъ обезпеченнаго положенія и заставляетъ попасть въ тѣ-же ужасныя условія, въ которыхъ томилась его больница. Частыя посѣщенія докторомъ палаты № 6 и длинные разговоры съ помѣшаннымъ студентомъ поразили мѣстныхъ обывателей; до такой степени необыкновенно было это исполненіе врачомъ своихъ обязанностей. Пошелъ слухъ, что самъ докторъ сошелъ съ ума. Помощникъ доктора, молодой врачъ Хоботковъ, стремившійся на мѣсто своего начальника, укрѣпляетъ этотъ слухъ. За философствующимъ докторомъ начинаютъ слѣдить, наконецъ приглашаютъ подъ нуднымъ предлогомъ въ нарочно-созванную комиссію для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей. Смущенный докторъ понимаетъ въ чемъ дѣло, на бесѣдѣ въ комиссіи смущается еще болѣе, и его признаютъ за тихаго помѣшаннаго. Затѣмъ, ему предложили «отдохнуть», т. е. выйти въ отставку, и старый лежебокъ, нѣлую жизнь не знавшій страданій, а только кормившійся «какъ пьявица около чужихъ страданій», оказывается безъ всякихъ средствъ, выкинутымъ на улицу. Какъ Илья Ильичъ въ концѣ концовъ очутился на содержаніи своей хозяйки-мѣщанки, такъ и Андрей Ефимычъ: ему пришлось поселиться съ кухаркой Дарьюшкой, жить на продаваемыя тайкомъ ея старыя платья и стѣ-

даться лавочниковъ, которымъ задолжали. Къ этому присоединились назойливыя посѣщенія, въ качествѣ друзей, Хоботкова и почтмейстера, утверждавшихъ настойчиво, что докторъ боленъ и что ему нужно лѣчиться. Выведенный изъ себя, онъ однажды выгналъ друзей вонъ. Это сочли за приступъ уже буйнаго помѣшательства. Подъ удобнымъ предлогомъ, Хоботковъ приглашаетъ доктора въ палату № 6 и оставляетъ его здѣсь навсегда. Тотъ-же сторожъ Никита приноситъ своему недавнему начальнику обыкновенное больничное одѣяніе, грязное и смрадное, заставляетъ его одѣться. Тутъ только нашего безпечнаго философа охватываетъ ужасъ настоящей, доподлинной жизни, которую онъ двадцать лѣтъ видѣлъ и не понималъ. Онъ пробовалъ себя утѣшить философіей, — тѣмъ, что все на этомъ свѣтѣ вздоръ и суета суетъ, а между тѣмъ у него дрожали руки, ноги холодѣли, и было жутко отъ мысли, что проснется его сосѣдъ по койкѣ, Громовъ, и увидить, что и онъ, философъ, сюда попалъ. «Теперь, пожалуй, до самой смерти уже не придется надѣвать брюкъ, жилета, сапоговъ». «Вотъ онъ просидѣлъ уже полчаса, часъ, и ему надоѣло до тоски; неужели здѣсь можно прожить день, недѣли и даже годы, какъ эти люди? Ну вотъ, онъ сидѣлъ, прошолся и опять сѣлъ; можно пойти и посмотрѣть въ окно и опять пройтись изъ угла въ уголъ. А потомъ что? Такъ и сидѣть все время, какъ истуканъ, и думать? Нѣтъ. Это едва-ли возможно. Андрей Ефимычъ легъ, но тотчасъ-же всталъ, вытеръ рукавомъ со лба холодный потъ и почувствовалъ, что все лицо его запахло копченою рыбой. Онъ опять пропѣлся. — Это какое-то недоразумѣніе... проговорилъ онъ, разводя руками въ недоумѣніи. — Надо объясниться; тутъ недоразумѣніе». Проснулся Громовъ и началъ злорадствовать. «Очень радъ. То вы пили изъ людей кровь, а теперь изъ васъ будутъ пить. Превосходно!» Андрей Ефимовичъ снова пытается философствовать, «но отчаяніе вдругъ овладѣло имъ, онъ ухватился обѣими руками за рѣшетку и изо всей силы потрясъ ее. Крѣпкая рѣшетка

не подалась.—Я палъ духомъ, дорогой мой, пробормоталъ докторъ, дрожа и утирая холодный потъ. — Палъ духомъ.

— А вы пофилософствуйте, злорадствовалъ Громовъ.

Съ наступленіемъ вечера Андрею Ефимовичу захотѣлось, по обычаю, пива и курить. Онъ не можетъ сидѣть въ темной комнатѣ. Онъ хочетъ выйти.

Тутъ происходитъ возмутительная сцена. Только что Андрей Ефимычъ отворилъ дверь, какъ Никита вскочилъ и загородилъ ему дорогу.—«Не заводите беспорядковъ, не хорошо!» Андрей Ефимычъ упрашиваетъ Никиту выпустить его пройти по двору. Громовъ возмущается и требуетъ, съ своей стороны, чтобы ихъ выпустили. Просить, по крайней мѣрѣ, чтобы пришолъ Хоботковъ. Никита не сдается. «Никогда насъ не выпустятъ! кричалъ Громовъ.—Сгноятъ насъ здѣсь! О, Господи! Неужели же въ самомъ дѣлѣ на томъ свѣтѣ нѣтъ ада, и эти негодяи будутъ прощены? Гдѣ же справедливость? Отвори, негодяй, я задыхаюсь! крикнулъ онъ сильнымъ голосомъ, и навалился на дверь. — Я размозжу себѣ голову! Убійцы!»

Никита быстро отворилъ дверь, грубо, обѣими руками и коленною отпихнулъ Андрея Ефимыча, потомъ размахнулся и ударилъ его кулакомъ по лицу. Андрею Ефимычу показалось, что громадная соленая волна накрыла его съ головой и потащила къ кровати; во рту было солono; вѣроятно, изъ зубовъ пошла кровь. Онъ, точно желая выплыть, замахалъ руками и ухватился за чью-то кровать, и въ это время почувствовалъ, какъ Никита два раза ударилъ его въ спину...

Тутъ слѣдуетъ позднее пробужденіе совѣсти, пробужденіе острое, какъ ударъ ножа въ сердце. «Какъ могло случиться, что въ продолженіе больше чѣмъ двадцати лѣтъ онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого?»

На другой день Андрей Ефимычъ умеръ отъ апоплексическаго удара.

Вотъ вамъ ужасная исторія современнаго Обломова. Ужась не въ томъ, что докторъ больницы попалъ въ положеніе сумасшедшаго—это случай, конечно, не типическій; несравненно чаще Андрей-Ефимычи доживаютъ свой вѣкъ благополучно, до полной пенсіи или солиднаго капитала—такъ и не *умаю* о страданіяхъ близкихъ имъ людей, такъ и не испытавъ укора совѣсти. Это ужась. Безвѣстные, потерянные для всѣхъ, беззащитные, забытые болѣе чѣмъ въ могилѣ, томятся бѣдняки, вѣрнее интеллигентнымъ заботамъ, вѣкъ томятся и пропадаютъ. И это не только въ палатѣ помѣшанныхъ,—ее взялъ авторъ для того лишь, чтобы рѣзче отнѣтитъ свою мысль,—подобными палатами въ большей или меньшей степени запущенности изобилуетъ хирѣющая въ невѣжествѣ русская жизнь, и не только провинціальная. И всюду, во всѣхъ сферахъ у насъ встрѣчаются Андрей Ефимычи, съ философіей и безъ философій, не противящіеся злу, не желающіе ему противиться. Г. Чеховъ вывелъ прекрасно образованнаго Обломова, съ тонкимъ и развитымъ умомъ, съ ненасытною умственною жаждою, но это случай опять-таки крайне исключительный, взятый для рѣзкости; я даже думаю, что съ такою повышенною умственною дѣятельностью нравственная обломовская лѣнь трудно совмѣстима. Параличъ столь центральной способности духа, какъ совѣсть, обыкновенно вызываетъ паденіе и другихъ сторонъ души; общее помѣшательство начинается, а можетъ быть и вызывается нравственнымъ упадкомъ. Потеря интереса къ правдѣ, къ воплощенію ея въ жизни, сопровождается обыкновенно потерей интереса ко всему на свѣтѣ, потому что вѣдь все на свѣтѣ интересно лишь въ мѣру выраженной въ немъ правды. Такимъ нравственно-глухонѣмымъ не до чтенія, не до наслажденія мыслью. Огромное большинство Обломовыхъ не философствуютъ и не читаютъ (какъ Илья Ильичъ, Онѣгинъ, Тентетниковъ, Рудинъ), огромное большинство ихъ не

нуждаются въ логическихъ хитросплетеніяхъ, чтобы оправдать свое бездушье, свою нравственную глухоту.

Въ чемъ-же лежатъ причины этого печальнѣйшаго явленія въ русскомъ характерѣ, вѣковѣчныя причины обломовщины? Хотя въ разсказѣ г. Чехова ниразу не упомянуто имя графа Л. Н. Толстого и даже нѣтъ выраженія «непротивься злу», однако весь разсказъ построенъ какъ-бы ради опроверженія этого принципа. Докторъ Андрей Ефимычъ высказывается характернымъ языкомъ толстовскаго ученія, настаиваетъ на «уразумѣннѣ жизни», какъ высшей цѣли, ведущей къ «истинному благу», настаиваетъ на подчиненіи обстоятельствамъ, какъ-бы плохо они ни сложились, т.-е. учить «не противиться». Можно подумать, что причиною бездушія Андрея Ефимыча, его безучастія къ страданіямъ ближнихъ является именно нравственное ученіе конца вѣка. Г. Чеховъ какъ-бы продѣлываетъ ученый опытъ: заставляя идею непротивленія воплотиться въ человѣка современной культуры, отъ природы мягкаго и умнаго, завѣдывающаго судьбою цѣлаго кружка людей. Онъ показываетъ, какъ отражается непротивленіе на самомъ человѣкѣ и его окружающихъ. Мы видимъ, что человѣкъ превращается въ безсердечнаго паразита, изъ непротивника злу дѣлается защитникомъ зла, идейнымъ отставателемъ всякой мерзости человѣческой, которая, видите-ли, разъ существуетъ, стало-быть, необходима, — а зависяшіе отъ него люди гибнуть. Андрей Ефимычъ мухи не обидитъ, но, краснѣя, десятки лѣтъ подписываетъ завѣдомо «подлые больничные счета», терпитъ воровъ-помощниковъ, терпитъ хирургическую рожу, а когда больные жалуются на голодъ и холодъ, говорить: «Хорошо, хорошо... Это какое-нибудь недоразумѣніе», и идетъ домой пить пиво. Болѣе послѣдовательнаго, убѣжденнаго «непротивленца» трудно и вообразить.

Дѣйствительно, «непротивленіе злу», взятое въ его ходячемъ смыслѣ, есть ученіе не столько не умное, но и

глубоко безнравственное. Оно представляет отрицаніе самой жизни, которая вся основана на противодѣйствіи вреднымъ вліяніямъ. Но это—ходящее пониманіе непротивленія, въ которомъ Левъ Толстой, какъ мнѣ кажется, неповиненъ. Знаменитая формула имѣетъ другой, глубокой смыслъ, какъ и древній евангельскій заветъ, котораго она явилась повтореніемъ. На самомъ дѣлѣ, напоминаніе этой старой мысли современному обществу не отрицаетъ борьбы со зломъ, а предлагаетъ лишь новое, болѣе совершенное оружіе для этой борьбы. Старый способъ борьбы со зломъ, согласно этому взгляду, слѣдуетъ считать грубымъ, первобытнымъ, не достигающимъ цѣли. Гасить зло зломъ-же, обиду—обидой, насиліе—насиліемъ-же, это все равно, что огонь гасить огнемъ: происходитъ не уничтоженіе зла, а удваиванье его, нагроможденіе обиды на обиду, мщенія на мщеніе. Предлагается несравненно болѣе тонкое и болѣе могущественное средство—нравственная борьба со зломъ, противленіе любовью. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ матеріальная уступчивость, доброе расположеніе сразу обезоруживаютъ злобу, лишаютъ ее пищи. Безчисленныя вспыхивающія искры гнѣва въ атмосферѣ любви тотчасъ-же гаснутъ, какъ пылающія головки въ водѣ. Врагъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ сраженъ обращеніемъ къ его добрымъ, благороднымъ чувствамъ. Ему дѣлается стыдно злобы, иногда онъ дѣлается другомъ своего противника. Таково правило; исключенія изъ него возможны, но рѣдки. Въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ человѣкъ уступающій терпитъ зло, но вознагражденъ счастьемъ самому не сдѣлать зла, что для добраго человѣка самая важная изъ выгодъ. Отсюда заповѣдь: любите враговъ вашихъ, не противьтесь злу зломъ. Но это, какъ видите, вовсе не значитъ, что люди не должны противиться злу вовсе. Предписывается любовь, т. е. дѣятельная сила, направленная противъ зла. Предписывается самое энергическое, неустанное нравственное сопротивленіе, неустрашимое свидѣтельствова-

✓
сп. 185

ніе правды, громкое и доблестное, до терноваго вѣна, до распятія. «Кто хочетъ быть совершеннымъ, пусть оставитъ отца и мать и идетъ вслѣдъ меня». Предлагается противиться злу пожертвованіемъ имущества, отечества, свободы, даже жизни—но съ условіемъ не дѣлать при этомъ зла врагамъ своимъ, не принуждать ихъ матеріальной силой. Злу нужно противиться добромъ, горячимъ убѣжденіемъ, умоляя, благословляя. Съ общепринятой, нефилософской точки зрѣнія, основываясь на мелко́мъ ходячемъ опытѣ, трудно вообразить, чтобы ожесточенная злоба сдалась нѣжной ласкѣ. А между тѣмъ это истина, основанная на тонкомъ пониманіи души человѣческой. Могущество любви и уступчивости являлось не разъ въ исторіи какъ откровеніе, какъ проповѣдь, но любовь и самостоятельно вырабатывалась въ массѣ человѣчества, какъ инстинктъ. Стоило только затихнуть періоду войнъ въ любой странѣ и упрочиться мирному сожителству, какъ тотчасъ-же начинало всюду устанавливаться «смягченіе нравовъ», вѣжливость, гуманность. Эта вѣжливость есть полусознанное пониманіе того, что любовь побѣждаетъ лучше злобы, что любезностью — подобіемъ любви—добьешься скорѣе успѣха, нежели враждебностью. Любезность и вѣжливость являются народными, даже простонародными свойствами во всѣхъ старинныхъ культурныхъ странахъ (Китай, Японія, Аравія, Персія, романскія страны). Это — народный способъ противленія злу, причемъ, какъ примѣръ въ Японіи или Испаніи, вѣжливость утончается до крайности, доходитъ до степени религіознаго уваженія другъ друга. И въ самомъ дѣлѣ, обыденная жизнь въ этихъ странахъ несравненно пріятнѣе и радостнѣе, нежели въ грубыхъ странахъ варварскихъ или ново-культурныхъ. Стихія общей любезности дѣлаетъ всѣ характеры какъ-бы одинаково красивыми, благородными; встрѣчая отъ всѣхъ знаки почтенія и привѣта, человѣкъ чужой чувствуетъ себя какъ-бы въ родственномъ кру-

гу. Пусть это будет не пылкая любовь, а лишь подражаніе ей, но искреннее подражаніе добру есть уже добро. Такая культура характеровъ—вѣнецъ и завершеніе всякой культуры; это еще не Царствіе Божіе, но все-таки замѣтный шагъ къ нему. Конечно, и въ Японіи, и въ Испаніи совершаются тяжкія и гнусныя насилія, но тамъ они несравненно рѣже, и по крайней мѣрѣ, не существуетъ безконечныхъ микроскопическихъ насилій въ затрапезной, обыденной жизни общества. Тамъ мужъ не ударить жены, не обзоветъ ее на дню десять разъ унизительною бранью, не шипнетъ ребенка, не пройдетъ мимо упавшаго челоуѣка. Тамъ стараются быть во что бы ни стало пріятными другъ-другу, и это хорошее стараніе переходитъ въ привычку, становится безотчетнымъ: является обязательное уваженіе къ личности, терпимость къ слову и мнѣнію, чувство солидарности, обязательная готовность помочь въ бѣдѣ, отвращеніе къ стѣсненію чужой свободы, чувство достоинства. Все это усовершенствованіе характеровъ, т.-е. самыхъ душъ, вытекаетъ изъ бессознательной практики непротивленія злу насиліемъ.

Но, можетъ-быть, на этомъ роль древняго закона евангельскаго и останавливается? Можетъ-быть, для того, чтобы преодолѣть большое какое-нибудь зло, — не личное, а напимѣръ, социальное, — система нравственной борьбы недостаточна? Можетъ быть, бываютъ исключенія, когда врагъ является просто физическимъ препятствіемъ, требующимъ, какъ мертвая преграда, — физическихъ мѣръ? На это я замѣчу, что мнѣ трудно представить себѣ *живыхъ* людей *мертвою* преградой. Когда это бываетъ, мнѣ кажется, что это больше по нашей винѣ, чѣмъ по ихъ. Если-бы мы обнаружили истинно-живое отношеніе къ людямъ, искреннюю любовь къ нимъ, то оживили-бы и ихъ отношеніе къ намъ, воскресили-бы ихъ къ жизни. Во всѣхъ почти случаяхъ насилія надъ нами, если мы провѣримъ собственное поведеніе, то увидимъ, что и мы

не вполне правы, что мы не исчерпали добрыхъ средствъ борьбы и прибѣгли—хоть въ малой степени—къ недобрымъ. Не было-бы ссоръ, говоритъ Лярошфуко, еслибы хоть одна сторона была права. Непротивленіе злу насиліемъ есть потому самое вѣрное средство борьбы со зломъ, что этотъ способъ не прибавляетъ къ вспыхнувшей злобѣ новой злобы и *не даетъ ей пищи*: она гаснетъ, какъ огонь безъ топлива. Въ борьбѣ со всякимъ зломъ—личнымъ и общественнымъ—самое вѣрное средство—не давать матеріала для зла поскольку это отъ насъ зависитъ. Въ общественной жизни нравственная борьба составляетъ самое вѣрное и наиболѣе могучее средство. Вспомните, на примѣръ, движеніе реформации или недавнюю исторію реформъ въ Англіи, безконечный рядъ петицій, митинговъ и т. п. до тѣхъ поръ, пока ненавистныя народу мѣры не были отмѣнены. Мирная, но непрерывная эволюція политической жизни въ этой странѣ дала ей, какъ и всюду, неизмѣримо больше, чѣмъ насильственные перевороты. Общественное мнѣніе—*«Sa Majesté l'Opinion publique»*—правитъ міромъ, а что оно такое, какъ не нравственное сознаніе данного времени, вѣрное или невѣрное? Сила нравственнаго сопротивленія, разъ она охватываетъ массы людей, необорима: въ исторіи величайшій примѣръ тому представляетъ распространеніе христіанства. Не противясь злу, возглашалъ Христосъ; его апостолы, мученики и первые христіане своєю любовью, прошеніемъ врагамъ, благостью, покорили всесильный Римъ. Развѣ это не удивительная побѣда? И смыслъ подобныхъ побѣдъ не въ прямомъ значеніи правила: «не противься злу насиліемъ», а въ логически вытекающемъ изъ него законѣ: «противься злу ненасиліемъ».

Нравственная борьба («противленіе не насиліемъ») не только тѣмъ хороша, что самая дѣйствительная, но и тѣмъ, что она самая доступная. Она *каждому* доступна безъ исключенія, до послѣдней ступени общественной

лѣстницы, какъ показалъ Христосъ, призвавъ къ апостольскому подвигу людей именно этого круга. Нето борьба насиліемъ, которая—въ сколько нибудь серьезныхъ размѣрахъ—почти никому недоступна. Возьмите Андрея Ефимыча. Что онъ могъ-бы сдѣлать *насилъственной* борьбою съ тѣмъ зломъ, для искорененія котораго былъ призванъ,—съ душевными болѣзнями? Онъ могъ-бы продѣлать только то, что и продѣлывалось въ его больницѣ фельдшерами, сидѣлками, сторожами, т.-е. бить больныхъ, обливать ихъ холодною водою, вязать имъ руки и т. п. Все это средства не только гадкія, но и безсильныя исполнѣ. Напротивъ, нравственная борьба была-бы успѣшна, какъ и доказываетъ практика тѣхъ европейскихъ больницъ, гдѣ она принята. Безъ всякаго насилія, Андрею Ефимычу стоило только отказывать въ своемъ согласіи на большинство мерзостей, творившихся въ на-латѣ № 6, и онъ исчезли-бы; стоило бы, напримѣръ, не подписывать завѣдомо-обманныхъ бумагъ, не соглашаться служить съ больничнымъ персоналомъ, который доказалъ свою вредность, стоило-бы самому подать примѣръ неутомимой энергіи и заботливости о больныхъ, и всѣ порядки быстро преобразились-бы. Это было-бы прекрасное, благотворное и для больныхъ, и для самого доктора противленіе злу ненасиліемъ и побѣда надъ зломъ, освобождающая жизнь.

Вотъ этого-то внутренняго смысла непротівленія и не знаетъ русская жизнь. Всѣ наши Обломовы (а они въ разнообразіяхъ своихъ преобладаютъ въ русскомъ обществѣ, да вѣроятно, и въ народѣ), всѣ они только *мнимые* непротівленцы злу. На самомъ дѣлѣ это *пособники* злу и самое прочное его орудіе. Какіе-же это «непротівленцы»? Они потому непротівятся злу, что сами составляютъ зло. Они не признаютъ жизненной, безусловной необходимости *нравственнаго противленія*, безконечной, неутомимой работы совѣсти, какъ источника движенія впередъ. Русскій человѣкъ, вродѣ Андрея Ефи-

Роскошныя
рубрики
Г. С. С. С.
См. 187

мыча или Ильи Ильича, мирится со всякой гадостью и мирится *душою*, вслѣдствіе чего глухіе, старосвѣтскіе углы переполнены зломъ, дотога господствующимъ, что его даже не замѣчаютъ. Пробовали-ли хоть когда-нибудь всѣ эти несчастные, спивающіеся въ глуши, бездѣятельные интеллигенты постоять за правду въ своемъ крохотномъ кругу, на своемъ маленькомъ посту? Пробовали-ли они искренно, неустрашимо обнаружить совѣсть свою, съ готовностью пожертвовать всѣмъ для ея торжества? Конечно, никогда не пробовали, иначе не спивались-бы съ кругу и не дошли отъ тоски. Въдь стоило-бы Андрей-Ефимычамъ на минуту только искренно, всѣмъ сердцемъ оказать нравственную стойкость, какъ произошло-бы чудо: весь міръ для скучающихъ пьяницъ преобразился-бы, сдѣлался-бы радостнымъ, желаннымъ,—явилась-бы высокая цѣль жизни, уваженіе къ себѣ, любовь къ другимъ. И сейчасъ же явился-бы матеріальный результатъ такого нравственного противленія: заглохшая пустыня огласилась-бы человѣческими голосами, исчезли-бы постепенно воры и паразиты, гложущіе бѣдняковъ, и провинція—это «богоугодное заведеніе» стариннаго типа—превратилась-бы въ то, чѣмъ она должна быть: въ веселое и дѣятельное царство свѣжей жизни, вблизи природы, рука-объ-руку съ роднымъ народомъ. Но для этого всю силу, сбереженную на непротивленіе физическомъ, человѣкъ долженъ вложить въ противленіе нравственное, которое состоитъ въ обнаруженіи правды примѣромъ личной жизни и добрымъ убѣжденіемъ. Тѣ, которымъ нравственное противленіе злу покажется недѣйствительнымъ, пусть только вспомнятъ, что оно не безопасно. Оно обыкновенно вызываетъ *гоненіе* за правду, то самое, которое Христосъ обѣщалъ, какъ видъ блаженства, всѣмъ своимъ послѣдователямъ. Но разъ является гоненіе—вѣрный признакъ, что въ нравственной борьбѣ вы замѣчены, вы *дѣйствуете*—и настолько существенно, что вызываетъ всѣ средства зла на его защиту.

Если-бы ваше оружіе не было дѣйствительно, оно не вышло-бы отпора. Нравственная борьба не шутка,—напротивъ, это подвигъ, и нужно имѣть сильную, героическую душу, чтобы ввязаться въ такую борьбу и побѣдить. Если огромное большинство людей позабыли объ долгѣ этой борьбы, то онъ этимъ не упраздненъ; вѣдь имъ держится жизнь. Если жизнь мало-по-малу превращается въ захолустье, — въ богоугодное заведеніе съ грязью, клопами, голодомъ больныхъ, хирургическою рожей и кулаками Никиты, если жизнь выдвигаетъ къ центрамъ борьбы со зломъ Андрей-Ефимычъ, какъ лучшую соль земли, то знайте, что правда оскудѣла, что первородный долгъ противленія злу забыть, и жизнь—уже не жизнь, а тлѣніе, разложеніе заживо. Въ самомъ дѣлѣ, хорошъ Андрей Ефимычъ, но хорошо и городское общество, которое десятки лѣтъ знало объ его бездѣльи, его безсовѣстномъ отношеніи къ ввѣренному ему общественному дѣлу, знало о безпорядкахъ и «даже преувеличивало ихъ», но и пальцемъ не двинуло, чтобы вступить за несчастныхъ. Этому городскому обществу недоставало того-же, чего и Андрею Ефимычу: дѣятельной, работающей совѣсти, нравственной культуры. Если-бы человѣкъ упалъ въ рѣку, то окружающіе догадались-бы, что онъ погибаетъ и бросились-бы спасать; но если человѣкъ попадетъ въ палату № 6, откуда нѣтъ выхода — ни Андрей Ефимычъ, ни мѣстное образованное общество не догадаются, что тутъ тоже гибель, что долгъ велитъ спасать погибающаго. Совѣсть спитъ; чтобы разбудить ее, нужно, чтобы васъ сочли за сумасшедшаго, чтобы сторожъ Никита ударилъ васъ кулакомъ въ лицо!..

Разсказъ г. Чехова не даетъ какого-либо новаго открытія въ русской жизни, но онъ ярко и художественно подтверждаетъ старую, печальную истину о безжизненности нашей такъ-называемой интеллигенціи. Эта безжизненность проявляется одинаково и въ сферѣ прак-

тического дѣла, и въ области нравственныхъ отношеній,— и тамъ, гдѣ требуется упорная энергія, неистощимая нервная сила, и тамъ, гдѣ требуется просто совѣсть, благородство души. О, еслибы совѣсть русскаго чело- вѣка пробудилась! Еслибы онъ, спящій съ открытыми глазами, увидѣлъ все нравственное безобразіе своей жизни, всю ложь и грязь, скопившуюся вѣками!